

Символизм в восприятии М. О. Гершензона и С. Л. Франка (о нерешенных вопросах теории литературной критики)

А. В. Хрусталёва

(САРАТОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ)

В статье на примере работ М. О. Гершензона и С. Л. Франка рассматривается вопрос о восприятии символизма русской философской критикой.

Ключевые слова: М. О. Гершензон, С. Л. Франк, философская критика.

В последнее время в связи с появлением новых материалов, переизданий и исследований, связанных с феноменом русского религиозно-философского ренессанса рубежа XIX–XX вв. (Пушкин в русской философской критике, 1990 и др.), особый интерес вызывает литературная критика, созданная философами по преимущественному роду деятельности. Литературно-философская критика требует пристального рассмотрения и изучения как в силу неоднозначности рассматриваемого явления, пограничного, междисциплинарного по своей сути, так и с точки зрения вопроса о правомерности употребления в данном случае литературоведческих терминов.

Сложившаяся в современном научном дискурсе триада «модернизм», «философский ренессанс» и «авангард» нуждается в терминологическом уточнении и прояснении по всем трем компонентам, при этом важнейшим в теоретическом отношении, с точки зрения автора, является именно вопрос о содержательном наполнении термина «философская критика». Недостаточная степень изученности феномена компрометирует науку о литературе, проявляет ее неспособность полностью «подчинить» себе территорию, стремящуюся к суверенитету, обосновать свои права на изучение литературно-критических статей русских философов рубежа веков.

Постепенно складывается традиция относить к философской критике труды о русской литературе В. С. Соловьева, С. Л. Франка, С. Н. Булгакова, М. О. Гершензона и др. В дальнейшем автор придерживается подобной традиции, полагая, что рассматриваемый термин оправдан только при узком его понимании. Когда «философской критикой» назы-

вают труды представителей отечественного религиозно-философского ренессанса, безусловно, сохраняется определенная доля терминологической условности, но лучше зыбкость наименования, чем отсутствие атрибутирующей модели для явления, явно эту модель заслуживающего.

Хотелось бы во избежание попыток объять необъятное затронуть в данной статье только один узкий аспект наследия М. О. Гершензона и С. Л. Франка, в работах которых содержатся ценные наблюдения для определения рассматриваемой критики в целом, ее отношения к параллельно существующему символистскому направлению литературной жизни.

В контрапункте исторической, филологической и философской мысли вплоть до восьмидесятых годов XX в. имена указанных мыслителей либо не звучали вовсе, либо упоминались с коннотацией сожаления по поводу идеологической чужеродности или «домыслов», недостатков и дефектов, тайно или явно присутствующих в их трудах. За гранью исследований оставался вопрос о соотношении в литературно-критических работах философов творческого и исследовательского метода. Очевидно, что антиномичность в данном контексте неуместна, и, стало быть, либо следует двигаться в направлении убедительных доказательств художественной природы рассматриваемой критики, либо, наоборот, пытаться обосновать в ней научно-исследовательское начало.

В связи с этим необходимо заметить, что история русской литературной критики, постоянно обогащаемая новыми материалами, как никогда ранее нуждается в усовершенствовании своей классификации. Не отменяя,

разумеется, принцип календарно-хронологического членения, являющийся ценным способом рубрикации материала, возможно развивать его и в русле дальнейших теоретических разработок литературно-критических жанров, которыми занимались в разное время Л. П. Гроссман и, значительно позднее, Б. Ф. Егоров и др., и в русле теории исследовательского метода. Последнее направление кажется особенно перспективным, поскольку именно такой подход решает в какой-то степени как проблему типологии, так и указанный выше вопрос освоения «чужого» поля.

Любая попытка рассмотрения истории литературной критики исключительно на фоне борьбы литературных направлений обладает рядом серьезных и даже непреодолимых погрешностей. Наличие в литературе конкретного периода определенного течения вовсе не должно автоматически означать, что вся литературная критика рассматриваемого периода семантически им «кодирована», поскольку стремление соответствовать духу времени может принимать только формальный, но не содержательный или методологический характер. Достаточно вспомнить характеристику символистов эпохи рубежа веков: «Люди, не имеющие между собой ничего общего ни по душевному складу, ни по умственным тенденциям, ни по художественным вкусам, отлично уживаются под одними и теми же обложками, а в жизни если и разбиваются на группы, то скорее по каким-нибудь случайным житейским признакам» (Гуревич, 1910: 62).

Литературная критика соотносится не только с миром художественной литературы, но в разные периоды своего бытования в той или иной степени связана и с наукой. Об этом писал в свое время в том числе В. П. Муромский, который, будучи специалистом по более позднему периоду, тем не менее, как нам кажется, дал универсальное определение, вполне применимое к рассматриваемому хронологическому отрезку: «Критик — прежде всего мыслитель, а критика — *научно-познавательная* (выделено мной. — А. Х.) деятельность...» (Муромский, 1985: 63). Современный исследователь А. М. Штейнгольд, обсуждая неразрешимость вопроса о соотношении литератур-

ной критики и науки, приводит блестящий пример из Н. А. Некрасова, свидетельствующий вроде бы о художественной природе критики: «Превосходная картина! Каждый стих хватается за сердце, как хватают за сердце в иную минуту беспорядочные, внезапно набегавшие порывы осеннего ветра...» (Штейнгольд, 2003: 20). В приведенном фрагменте налицо все признаки художественности.

Но как следует рассматривать в таком случае заявление С. Л. Франка, создателя литературно-критической пушкинианы, о том, что художественное восприятие передает эстетические феномены неполно, а критика и литературоведение должны определять методы и приемы познания: «Не отдав себе отчета в совершенно своеобразных методах и приемах философствования Гёте, в характере его познания, нельзя понять и всего мировоззрения Гёте, как и самого Гёте» (Франк, 1910а : 76)?

Высказывания критиков, рассматриваемые далее в статье, свидетельствуют о том, что и Гершензон, и Франк скептически относились к теории символа, созданной Вяч. Ивановым. Совершенно очевидно, что оба мыслителя в статьях о литературе позиционировали свой исследовательский метод как лежащий вне литературных направлений. Представления о символизме характеризуют, конечно, не сам метод, а только базу программных критических установок, но рассмотреть их следует; только таким путем можно понять всю важность дальнейшей разработки новой типологии литературной критики.

Главный теоретик символизма Вяч. Иванов неоднократно указывал в печати, что русские символисты — не есть одно целое. Восприятие внутренних различий оформляется у Иванова как противопоставление «реалистический vs идеалистический (романтический) символизм».

Для символистов «реалистического» направления, по Иванову, номинативная функция символа второстепенна. «Романтик называет по имени тени своих мертвецов, которые он тревожит в их могилах. Мы же вызываем неведомых духов. Символы наши — не имена, они — наше молчание...» (Иванов, 1994: 39).

«Реалисты» внутри направления — это те, кто правильно истолковал Иванова и воспринял символизм в качестве философской системы, но не внешнего антуража: «Психология наша — не психология романтиков. Романтической мечтательности, романтическому томлению мы противопоставляем волевой акт мистического самоутверждения. Романтизм, если он только романтизм, — просто маловерие... он не находит в себе силы последовать за мистикой «ab exterioribus ad interiora», — внутрь себя от всего внешнего, чтобы в глубинах внутреннего опыта творческая воля могла сознать себя и определить как движущее начало жизни» (там же: 38).

Символ в том его определении, какое было дано Вяч. Ивановым, есть нечто «неисчерпаемое и беспредельное в своем значении», ему уготовано множество смыслов. Так, «змея имеет ознаменовательное отношение одновременно к земле и к воплощению, полу и смерти, зрению и познанию» (там же: 143).

У «романтиков» символ не выполняет основную задачу — вести к созданию нового коллективного мифа. Подлинное искусство символизма представляет собой неизбежно коллективное мифотворчество: «Органический ход развития превращает символизм в мифотворчество... Но миф — не свободный вымысел: истинный миф — постулат коллективного самоопределения» (там же: 40).

Характерно в этом отношении, как Иванов оценивает повесть Л. Андреева «Жизнь Василия Фивейского». Утверждая, что Андреев многого недосказал своей повестью, Иванов пишет, что она «едва ли мистическая», т. е. едва ли поднимается до того уровня искусства, когда творится новый миф. Андреев тяготеет к обобщению, но не выполняет задачи полностью: его произведение «падает в туманы романтизма». «В повести чувствуется недосказанность, — не та, желательная для художественного действия... а иная недосказанность, на которой оправдывается глубокий парадокс: «все незавершенное неистинно» (там же: 45).

Раскол внутри символизма в достаточной степени осмыслен отечественным и зарубежным литературоведением. М. А. Гаспаров

в статье «Антиномичность поэтики русского модернизма» указывал: «Разделение между символистами было основано на разном толковании слова «символ» (Гаспаров, 1997: 453). Разное толкование объясняется М. А. Гаспаровым следующим образом: одни символисты придавали символу религиозно-философский, другие — литературно-риторический смысл.

А. Ханзен-Лёве в своем труде «Русский символизм. Система поэтических мотивов», продолжая мысль о диалектической природе символизма, также пишет о двух направлениях (Ханзен-Лёве, 2003). Представители реалистического символизма, по Ханзен-Лёве, верили в магическое ознаменование, т. е. в творение реальности — название творит вещь. Сторонники идеалистического символизма считали символ всего лишь средством художественной изобразительности.

С. А. Франк решал проблему противопоставления двух стихий в символизме эстетически-консервативным путем (Гапоненков, 2004): он заявлял, что любой символ — не более чем фикция. Критик утверждал, что нет смысла выяснять, что имеет в виду Тютчев, называя зарницы глухонемыми демонами. Полагает ли Тютчев, что демоны существуют в реальности, предвидит, предугадывает ли их появление, будучи в таком случае предтечей «реалистического» символизма, или просто указывает на подобие зарниц глухонемым демонам, используя не более чем риторический прием, результат одинаков — все это иллюзионизм искусства. Таким образом, попытка Иванова «отмежеваться» от «ненастоящих» символистов признается созданием иллюзии.

Не принимая мифотворчество Вяч. Иванова, Франк заявляет, что вся эта эстетическая надуманность стирает грань между реальной жизнью и театральной бутафорией: «... “мифотворчество” может быть отныне лишь поэтической игрой в религию, — игрой, которая... одинаково вредна и для искусства, и для религии» (Франк, 1910b: 35). Таким образом, Франк снимает проблему противопоставления двух стихий в символизме в качестве несущественной как минимум, а как максимум — не существующей.

Известно, что критик считал современную ему теорию искусства необоснованной и недостаточной. В качестве адекватного метода познания художественного творчества он предлагал отчасти разновидность биографического подхода, заявляя, что эстетические феномены лучше всего могут быть поняты только в единстве эмпирического — реальных фактов биографии писателя и духовного его опыта, который следует восстанавливать по письмам и дневникам (Франк, 1913: 30). Кстати, сам он неоднократно предпринимал подобные попытки (Франк, 1911: 210–214). С точки зрения автора статьи, именно в этом обращении к биографии и лежит ключ к решению проблемы метода русской философской критики. Биографические разыскания традиционно являются в литературоведении достаточным свидетельством исследовательских, а не художественных целей, и истолковывать эти цели сугубо в рамках творческого замысла, лежащего вне науки, неправильно.

Любопытна, кстати, история рассмотрения Франком рукописи Ф. Сологуба «Наблюдения и мечты о театре», в творчестве которого, по мнению рецензента, наблюдаются специфически символистские воззрения на искусство: «Обычные достоинства и недостатки сологубовских рассуждений. Много интересного, и вместе с тем противная смесь декадентства с нарочитым демократизмом» (Гапоненков, 2004: 120).

М. О. Гершензон выразил печатно, можно сказать, черным по белому, свое принципиальное несогласие с основными концепциями символизма. Вряд ли мы имеем право пренебрегать очевидным — в самом начале статьи «Станционный смотритель» из программной книги «Мудрость Пушкина» он критикует современных ему писателей-модернистов за «темноту» мысли, противопоставляя ее пушкинской ясности: «Нынешние символисты могли бы поучиться здесь (у Пушкина. — А. Х.) легкости и естественности работы» (Гершензон, 2007: 86). Отмечая недостатки известных ему авторов декадентской направленности, Гершензон писал: «Нет злейшего врага искусству, его наивности... как самооглядка. Этот столичный цинизм резко об-

наружился только у наших декадентов» (Гершензон, 1905: 159).

Есть и другие примеры достаточно четко выраженной позиции критика: «В прошлый раз я коснулся нашего декадентства... Одно из двух: или перед нами начало органического и нормального изменения общественного духа, или же это — симптом, хотя бы и слабый, какого-то пока тайного недуга... В нашей почве образовалась трещина, небольшая, но растущая; что это? возникнет ли новый материк или оторвется небольшой островок? Дело критики — добросовестно и с уважением к *чужой* (выделено мной. — А. Х.) мысли изучить новое движение и объяснить его обществу» (Гершензон, 1904а: 143–144).

Внимательное рассмотрение критических статей приведет любого исследователя к очевидному выводу, что Гершензон не испытывал теоретического влияния символистов в своей литературно-критической деятельности. Теория символа в его творческой лаборатории приняла исключительно формальный характер.

Достаточно обратиться к статьям о Чехове, как мы увидим, что, в то время как А. Белый восклицает «Чехов-символист!», «его герои очерчены внешними штрихами... а мы видим бездны духа, сквозящие в них» (Белый, 1904: 46–47), Гершензон прохладно заявляет, что «ничего нового... талант г. Чехова не мог и не может дать...» (Гершензон, 1904b: 165–166). Чехова Гершензон называл представителем внешне-психологического реализма и считал, что его удел лишь изображение, но не пророчество, не рассказ о тайном знании. В то время как Мережковский писал о художественной неполноте романов Тургенева в силу непреодолимого конфликта между публицистическим пластом и поэтикой «малой прозы», Гершензон находил в произведениях Тургенева «удивительную целостность».

В рубрике «Литературное обозрение» Гершензон рассматривает уже ранее упомянутое произведение «Жизнь Василия Фивейского» Л. Андреева. Критик замечает, что священник Василий Фивейский прошел весь путь человеческой мысли от наивного этапа — веры в главенствующее божество, не требующей доказа-

тельство, до более глубокого уровня самоопределения. Леонид Андреев — это идеал художника по Гершензону. Он не фиксирует внешние психологические проявления своих героев подобно Чехову, о чем шла речь ранее.

Гершензон проводит параллель: в свое время бунт, подобный бунту Фивейского, был поднят праведником Иовом, о чем рассказывает Ветхий Завет. Бог наслал тяжелые испытания на Иова, и Иов не мог понять, зачем ему посланы муки, если он во всем слушался Бога. Но вера была слишком сильна, он усмирил свой разум и остался с верой. Подобное же смирение происходит и с Фивейским: он решает, что Бог избрал его для осуществления какой-то божественной цели. Смирение Фивейского представляется Гершензону символическим.

«Всякое истинное произведение искусства символично, как символично любое явление жизни; отличие повести Л. Н. Андреева — в сознательности и сгущенности ее символизма» (Гершензон, 1904с: 135). Нетрудно заметить, что Гершензон и Иванов истолковывают Андреева прямо-таки диаметрально противоположно, и тезис о двух стихиях в русском символизме, как это можно было наблюдать и в работе Франка, оказался, видимо, воспринят в художественной, а не теоретической плоскости.

На основании статьи о Л. Андрееве можно заключить, что Гершензоном символ рассматривается как нечто, что является условным обозначением иного, причем может иметь один конкретный денотат. «Сам этот идиот (неполноценный ребенок Фивейского. — А. Х.), подобно Калибану в «Буре», — великий символ косной, плотской силы в природе и в самом человеке...» (там же). То есть образ рожденного умственно отсталым ребенка признается символом, потому что за ним можно увидеть некоторое обобщение — это проявление всего грубо физиологического в человеке. В такой трактовке искомая многозначность исчезает.

Подобных словоупотреблений, когда символ у Гершензона имеет одно конкретное обозначаемое, довольно много: «По созерцанию Пушкина формы бытия располагаются в виде

лестницы, где на самом верху, как бытие блаженнейшее и объективно-высшее, стоит абсолютная, ненарушимая полнота, врожденное совершенство. Таким Пушкин символически мыслит ангела» (Гершензон, 1919: 22). Налицо не намекающий или указующий, допускающий многозначность, а прямой номинативный характер словоформы «ангел».

Таким образом, литературно-критические статьи представителей философского ренессанса начала XX в., как это продемонстрировано в статье на частных примерах, не могут быть полноценно изучены с использованием принципа календарно-хронологического членения истории русской литературной критики.

Выход, который предлагает автор, при всей его схоластичности, кажется единственно возможным: требуется дальнейшая разработка теории исследовательского метода в литературной критике и литературоведении, которая призвана стать стержневой для решения поставленных вопросов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Белый, А. (1904) Вишневы сад // Весы. № 2. С. 46–48.
- Гапоненков, А. А. (2004) Журнал «Русская мысль» 1907–1918 гг. Редакционная программа, литературно-философский контекст. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та.
- Гаспаров, М. А. (1997) Антиномичность поэтики русского модернизма // Избр. труды : в 2 т. М. : Языки русской культуры. Т. 2. С. 434–458.
- Гершензон, М. О. (1904а) Литературное обозрение // Научное слово. № 10. С. 139–145.
- Гершензон, М. О. (1904б) Литературное обозрение // Научное слово. № 3. С. 161–169.
- Гершензон, М. О. (1904с) Литературное обозрение // Научное слово. № 6. С. 127–137.
- Гершензон, М. О. (1905) Литературное обозрение // Научное слово. № 7. 153–160.
- Гершензон, М. О. (1919) Мудрость Пушкина. М. : Т-во «Книгоиздательство писателей в Москве».
- Гершензон, М. (2007) Избранное. Мудрость Пушкина. М. : Изд-во Муромский МБА.
- Гуревич, Л. (1910) Заметки о современной литературе. Старые приемы и новые лозунги // Русская мысль. Кн. 1. Отд. 2. С. 62–80.
- Иванов, Вяч. (1994) Родное и вселенское. М. : Республика.

Муромский, В. П. (1985) Русская советская литературная критика. Л. : Изд-во Ленинградского ун-та.

Пушкин в русской философской критике (1990) / сост. Р. Гальцева. М. : Книга.

Франк, С. Л. (1910a) Из этюдов о Гёте. Гносеология Гёте // Русская мысль. Кн. 8. С. 73–99.

Франк, С. Л. (1910b) Артистическое народничество // Русская мысль. Кн. 1. Отд. 2. С. 27–38.

Франк, С. Л. (1911) Письма Толстого // Русская мысль. Кн. 1. С. 210–214.

Франк, С. Л. (1913) Новая книга по философии искусства // Русская мысль. Кн. 2. С. 30–33.

Ханзен-Лёве, А. (2003) Русский символизм. Система поэтических мотивов. Ранний символизм. СПб. : Академический проект.

Штейнгольд, А. М. (2003) Анатомия литературной критики. Природа. Структура. Поэтика. СПб. : Дмитрий Буланин.

SYMBOLISM IN THE RECEPTION

OF M. O. GERSHENZON AND S. L. FRANK
(ON THE UNSETTLED ISSUES OF THE THEORY
OF LITERARY CRITICISM)

A. V. Khrustaleva

(Saratov State Socio-Economic University)

The problem of the reception of symbolism in Russian philosophical criticism is considered by the example of M. O. Gershenzon's and S. L. Frank's works. Keywords: M. O. Gershenzon, S. L. Frank, philosophical criticism.

BIBLIOGRAPHY (TRANSLITERATION)

Belyi, A. (1904) Vishnevyy sad // Vesny. № 2. S. 46–48.

Gaponenkov, A. A. (2004) Zhurnal «Russkaia mysl'» 1907–1918 gg. Redaktsionnaia programma, literaturno-filosofskii kontekst. Saratov : Izd-vo Sarat. un-ta.

Gasparov, M. L. (1997) Antinomichnost' poetiki russkogo modernizma // Gasparov M. L. Izbr. trudy : v 2 t. M. : Iazyki russkoi kul'tury. T. 2. С. 434–458.

Gershenzon, M. O. (1904a) Literaturnoe obozrenie // Nauchnoe slovo. № 10. S. 139–145.

Gershenzon, M. O. (1904b) Literaturnoe obozrenie // Nauchnoe slovo. № 3. S. 161–169.

Gershenzon, M. O. (1904c) Literaturnoe obozrenie // Nauchnoe slovo. № 6. S. 127–137.

Gershenzon, M. O. (1905) Literaturnoe obozrenie // Nauchnoe slovo. № 7. S. 153–160.

Gershenzon, M. O. (1919) Mudrost' Pushkina. M. : T-vo «Knigoizdatel'stvo pisatelei v Moskve».

Gershenzon, M. (2007) Izbrannoe. Mudrost' Pushkina. M. : Izd-vo Muromskii MBA.

Gurevich, L. (1910) Zametki o sovremennoi literature. Starye priemy i novye lozungi // Russkaia mysl'. Кн. 1. Отд. 2. S. 62–80.

Ivanov, Viach. (1994) Rodnoe i vselenskoe. M. : Respublika.

Muromskii, V. P. (1985) Russkaia sovskaia literaturnaia kritika. L. : Izd-vo Leningradskogo un-ta.

Pushkin v russkoi filosofskoi kritike (1990) / sost. R. Gal'tseva. M. : Kniga.

Frank, S. L. (1910a) Iz etjudov o Gete. Gnoseologija Gete // Russkaia mysl'. Кн. 8. S. 73–99.

Frank, S. L. (1910b) Artisticheskoe narodnichestvo // Russkaia mysl'. Кн. 1. Отд. 2. S. 27–38.

Frank, S. L. (1911) Pis'ma Tolstogo // Russkaia mysl'. Кн. 1. S. 210–214.

Frank, S. L. (1913) Novaia kniga po filosofii iskusstva // Russkaia mysl'. Кн. 2. S. 30–33.

Khanzen-Leve, A. (2003) Russkii simvolizm. Sistema poeticheskikh motivov. Rannii simvolizm. SPb. : Akademicheskii proekt.

Shteingol'd, A. M. (2003) Anatomii literaturnoi kritiki. Priroda. Struktura. Poetika. SPb. : Dmitrii Bulanin.

Авторефераты диссертаций, защищенных аспирантами Московского гуманитарного университета

Любимцева, Ю. С. Становление субъектной позиции ребенка в условиях сообщества приемных семей : автореф. дис. ... канд. пед. наук [Текст] / Любимцева Юлия Сергеевна ; 13.00.01 — общая педагогика, история педагогики и образования. — М., 2012. — 19 с.